

СЕКЦИЯ 2
ПОЛОЦКИЙ СОБОР 1839 г.
И УПРАЗДНЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

ПРОЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ К ПРАВОСЛАВНОЙ.

1793–1916 гг.

Е. Н. Филатова
(Минск, Беларусь)

После присоединения земель Речи Посполитой правительству Российской империи была необходима поддержка шляхты – высшего сословия бывшего государства, которое, в основном, исповедало католичество. И это было одной из причин, по которой достаточно долгое время правительство практически не затрагивало бывшую господствующую конфессию – католичество. До конца 20-х гг. XIX в. униатство, не только со стороны католической церкви, но и со стороны правительства, считались частью католичества («римские католики обоих обрядов»), верующими этой конфессии были крепостные крестьяне, мещане и небольшая часть бедной шляхты. Видимо поэтому, самая большая по численности конфессия на белорусско-литовских землях, не была влиятельной. Для православных иерархов было очевидным, што пополнить немногочисленную православную конфессию территории можно за счет униатов. Активная миссионерская деятельность в этом направлении православных епископов Георгия (Конисского) и Виктора (Садковского) нашла поддержку правительства в 80-х и 90-х гг. XVIII в., однако в то время оно еще не ставило перед собой задачу полной ликвидации униатской церкви [12, с. 99].

Однако, нужно отметить, что этот вопрос обсуждался. Так, в 1793 г. Екатерина II обратилась к обер-прокурору Святейшего Правитель-

ствующего Синода (далее Св. Синода) графу А. Мусину-Пушкину с вопросом «как лучше и приличнее можно польских униатов обратиться и соединить с православною греческую церковию» [3, с. 19]. Ответ готовил Славенский и Херсонский православный архиепископ Евгений (Булгарис), который отметил различные способы осуществления этой идеи: «первый есть насильственный, имеющий силу принуждать и нехотящих; второй производится посредством какого-либо собора; третий через частныя с обеих сторон состязания и словопрения; четвертый через напечатанья, или другим образом обнародованные сочинения, служащие к опровержению и обличению нелепостей нововведения, подавшего причину к опровержению и разделению; пятый чрез избрание достойных пастырей и пастыреначальников к церквам, от православия уклонившихся, и чрез определение к ним нарочито искусных священников, деяниями и жизнею оправдающие учение свое; шестой чрез заведения в сих уделах для общей пользы разных училищ, которые должны быть отверсты и для детей сих иноверных, где-бы они руководимые были к просвещению разумными и сведущими наставниками; седьмой посредством порядочного в вере наставления, сделав к тому заблаговременно надлежащее распоряжение и чрез прямое и точное священных догматов объяснение, предлагая оныя просто и без дальних тонкостей, дабы учение было соразмерно силе и понятию наставляемых, а потому и с пользою их» [3, с. 22–23].

Архиепископ Евгений считал, что из этих способов: «первый во все несовместен; второй и третий будучи уже многократно употреблены, оказались по самым опытам недействительны и по большей части намеренно несоответственны; четвертый, по некоторым причинам, к употреблению также неудобен и, следовательно, бесполезен... Прочие три способа суть действительны и намеренно нужны» [3, с. 23]. 22 апреля 1794 г. был принят указ «Об устранении всяких, препятствий к обращению униатов к православной греческой церк-

ви» [10, с. 509], который способствовал, при поддержке местных властей, частичным переходам из униатства в православие. Передача духовной власти над униатской церковью католическому митрополиту Российской империи С. Богушу-Сестренцевичу привела к тому, что не только католическое, но и униатское духовенство развернуло агитацию за возвращение своих бывших прихожан из православия в униатство, о чем и свидетельствовал указ от 28 августа 1797 г., который запрещал духовенству этой конфессии проводить агитацию среди православных [6, с. 373].

24 октября 1797 г. в Белорусскую (Могилевскую) православную епархию был назначен епископ Анастасий (Братановский), который не рассчитывал, в отличие от архиепископа Георгия (Конисского), на стремления униатских верующих возвратится к своей «исконной» вере и видел решение этого вопроса в государственной поддержке. Именно ему принадлежит проект правительственного сдерживания униатов. Он предложил, что нужно или объявить всех униатов православными, или ограничивать количество униатских церквей запретами на их строительство, запретить переходы из униатства в католичество, объявить униатам, что они могут свободно принимать православие [6, с. 373].

Св. Синод не принял проект епископа Анастасия, но тем не менее был подготовлен исторический очерк действий правительства в отношении униатской церкви и о фактах насилия униатов над православными. Эти материалы были переданы на обсуждение в Сенат, а затем был представлен Павлу I. В октябре 1798 г. генерал-пракурор П. Лопухин, по поручению императора, написал письма к Петербургскому и Новгородскому православному митрополиту Гавриилу и Белорусскому губернатору. В них была просьба сделать распоряжение в адрес православных священников, чтобы «они обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждали, а возбуждали в них добровольное желание вступать в оную

добродетельным своим житием, пристойным сану их поведением и благонравием» [6, с. 374].

Практически до второй половины 20-х гг. XIX в. правительство Российской империи особенно не заостряло свое внимание на униатской конфессии западных губерний. Начало очередного этапа решения этого вопроса было положено указом от 9 октября 1827 г., которым было запрещено принимать в базилианские монастыри лиц других обрядов, в основном это касалось католиков. Принятие этого указа было связано с тем, что в конце 20-х г. в Белорусской и Литовской базилианских провинциях около 2/3 монахов были крещены как католики [1, с. XXXVI]. Учитывая шляхетское происхождение, хорошее образование, богатые фондуши у многих монастырей, отсутствие семей, то очевидно, что монашество могло оказать сопротивление попыткам правительства ликвидировать униатскую церковь, чего не ожидали от белого приходского духовенства. Таким образом этот указ положил начало отрыву базилианского ордена от католической церкви и важным шагом в политике правительства по направлению ликвидации униатской церкви.

В конце 1827 (или в начале 1828 г.) был составлен проект по ликвидации униатской церкви в западных губерниях, который был поддержан правительством. Документ состоял из двух частей: первая – содержала описание тех попыток, которые делало правительство Российской империи, начиная со времен Екатерины II по присоединению униатов к православию; во второй части – высказывались предположения о том, что необходимо было сделать для окончания этого дела. Основная идея документа заключалась в том, чтобы оторвать униатов от католической церкви путем закрытия части базилианских монастырей (с 83 оставить 23), открыть отдельную от католической, греко-униатскую коллегию и новые учебные заведения для подготовки униатской молодежи в православных традициях. Также было необходимо оторвать униатское духовенство от помещиков –

католиков, которые будучи ктиторами, не только оказывали помощь униатской церкви, но и влияли на выбор кандидатуры на должность приходского священника, что приводило к зависимости последних от землевладельцев [8, кн. 4, с. 621, 624, 628–639]. Проект был подписан министром народного просвещения и главноуправляющим духовных дел иностранных исповеданий А. Шишковым. Вероятно в основу проекта была положена записка униатского прелата Иосифа Семашко, что очевидно при сравнении этих двух документов.

Трудно сказать на какой срок было рассчитано выполнение этого проекта, однако уже 22 апреля 1828 г. была основана греко-униатская духовная коллегия и сокращено количество униатских епархий. Довольно сложно решался вопрос об открытии новых учебных заведений для подготовки униатского духовенства. Во второй половине 20-х гг. кадры духовенства готовили в Главной семинарии при Виленском университете (до 50 чел.), в Коллегиуме распространения веры в Риме (4 чел.), в семинариях Полоцка и Жирович и при Лавришевском базилианском монастыре (низшее духовенство). В конце 20-х г. правительство запретило направлять юношей на учебу в Рим и Вильно, а студентов, которые там учились, были отозваны [8, кн. 6, с. 291]. Для открытия униатской академии были собраны деньги в сумме 8 тыс. руб., однако этих средств было недостаточно и 25 февраля 1830 г. греко-униатская коллегия была вынуждена признать, что открытие академии в Полоцке невозможно из-за отсутствия средств, помещений, а также студентов, которые успели закончить семинарию [8, кн. 4, с. 602, 605, 608–609, 620]. 9 июля 1830 г. греко-униатская коллегия приняла решение о проповедях и обучении Зпкону Божьему на местных диалектах. В документе было сказано, что «проповедывать слово Божие народу на невнятном для него языке есть дело недостойное христианского учителя и бесполезное для слушателей» [4, с. 528].

28 ноября 1831 г. Николаю I был представлен доклад Комитета по делам западных губерний, в котором было представлены пред-

ложения Могилевского гражданского губернатора М. Муравьева о способах «сближения Белорусского края с Россией». Относительно мер «по части духовной» Комитет отметил, что «некоторые из мер, предлагаемых здесь Муравьевым, слишком круты и резки, они могут только раздражать умы и восстановить их к большому противодействию намерениям правительства». Комитет также отметил, что «избран уже и предназначен униатский епископ, долженствующий пребывать в Белоруссии. От просвещенной деятельности сего достойного и благонамеренного сановника можно со временем ожидать возвращения униатской церкви в лоно православия. Между тем приняты им будут осторожные меры к прекращению перехода из грекоуниатского в римско-католическое исповедание» [2, с. 104].

В 1836 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Министр внутренних дел Д. Блудов в своем докладе на заседании комитета, обосновывая идею ликвидации унии, высказался, что необходимо «преобразовать их из полу-поляков – римских католиков, в верных сынов нашей церкви и России и тем самым поставить сильный оплот враждебным покушениям злоумышленников, может быть ещё мечтающих о разделении» [11, Фонд 797. Опись 87. Дело 10. Лист 8 оборот, 9].

Важную роль в процессе подготовки к ликвидации (или воссоединения) униатской церкви сыграла записка митрополита Филарета (Дроздова) от 16 декабря 1839 г. В ней был представлен план по воссоединению униатов с православной церковью. Этот план, по мнению исследователя истории православной церкви И. Смолича, с небольшими правками был претворен в жизнь. Сущность его была в следующем: греко-униатские епископы и духовенство должны были составить Соборный Акт, в котором были бы приведены основания для воссоединения с православной церковью; все участники Собора должны подписать этот акт; можно было приложить к нему особое прошение о сохранении отдельных обычаев униатской церкви;

эти документы должны были передать императору. По мнению автора записки, что в зависимости от обстоятельств на переходной период необходим указ о подчинении греко-униатской коллегии Св. Синоду; император направил бы документы в Св. Синод и приказом об их рассмотрении; если Св. Синод не увидит в них нарушений канонов, он издаст официальное распоряжение о приеме русской униатской церкви в лоно православной церкви; это распоряжение передается Николаю I; получив согласие императора Св. Синод должен был направить униатским, и соседним с ними православным епископам, свой указ, в котором, в котором поручал им объявить его сначала лицам, которые подписали Соборный акт, а затем – тем, которые поставили свою подпись под соглашением об воссоединении, те, кто не поставил свою подпись, подлежат убеждению; со временем, когда греко-униатская коллегия потеряет свое значение, она может быть ликвидирована [5, с. 340–341].

Униатская церковь была не только в западных губерниях Российской империи, но и в Царстве Польском. Так, Холмская униатская епархия в 1824 г. насчитывала 21 деканат и 241 приходских храма, а в 1857 г. – 270 церквей [14, с. 172]. Она простиралась вдоль границ Гродненской губернии и оказывала влияние на ее жителей – бывших униатов. Решение по ликвидации униатской церкви на этой территории, как и другие проблемы по преобразованию Царства Польского, были разработаны статс-секретарем по делам Польши Н. Милютиным. Согласно ему, униаты, подобно другим жителям Царства Польского, должны быть ограждены от всякого насильственного посягательства на их народность. Как племя, родственное русским и поэтому более других народностей угнетенное Польшей, греко-униаты заслуживали, по мнению Н. Милютина, особой опеки русского правительства, тем более, что переход русских в латинство усиливало враждебные русскому государству элементы. Задачей русского правительства, как считал автор, должно стать охранение русской на-

родности и восточного исповедания от захватов латинства и полонизма, возбуждении погасавшей здесь русской жизни и восстановлении духа и обрада греко-униатской церкви. При ожидаемом слиянии империи с Царством Польским русское население Забужья должно сделаться посредствующем звеном этого слияния [9, с. 134]. Исполнение этой правительственной задачи было возложено на князя В. Черкасского – директора правительственной комиссии по внутренним делам в Царстве Польском (1864–1867). Он пытался привлечь холмских униатов к воссоединению, путем сближения униатских обрядов с обрядами православной церкви, но не нашел поддержки у Холмского униатского епископа Иоанна Калининского (1861–1866), который был сослан в Вятку. Были изданы указы направленные с одной стороны – на ослабление власти местных помещиков, а с другой – униатского епископа. Указ от 14 июля 1864 г. , который был подготовлен В. Черкасским, отменял право патроната землевладельцев над униатской церковью, исключив, в дальнейшем их влияние на замещение приходских должностей. Второй указ от 18 июля 1866 г. постановлял, что всякое перемещение или назначение священников Холмский униатский епископ имел право производить только после согласования с правительственной комиссией в Варшаве. 16 марта 1871 г. епархию возглавил в качестве администратора Маркелл Пополь, уроженец Галиции. Необходимая поддержка делу воссоединения была найдена среди униатского духовенства, которое отличалось русофильскими настроениями, в том числе почти все преподаватели Холмской семинарии. 2 октября 1873 г. Холмская консистория постановила «очистить» униатскую церковь «от всех римско-католических настроений». 15 февраля 1875 г. униатское духовенство объявило о своем желании о воссоединении с русской церковью. В Петербург была отправлена делегация, в которую входили М. Попель, представители униатского духовенства и прихожан, которая 25 марта вручила документ Александру II, а 27 марта – Св. Синоду. По официальной

статистике было присоединено к православию 236 приходов с 234 тыс. чел. Один из архиереев митрополит Евлогий Георгиевский, который прослужил в Холмской православной епархии с 1897 по 1912 гг., писал, что «при воссоединении было допущено много ошибок. Не посчитались с народной душой. Вмешалась администрация: губернаторы, полиция... стали народ загонять в православие. Многие приходы переходили фиктивно: появились так называемые “упорствующие” – лишь на бумаге православные люди, а по существу те же униаты.. К сожалению, наше духовенство не всегда отличалось умением поставить на должную высоту задачи миссионерства», и хотя епископы и «ревновали о чистоте православного обряда, но не всегда такая ревность была уместна.. Но нужна была широкая терпимость, отличающая важное от второстепенного» [5, с. 346– 347].

Первая мировая война возвратила в Российскую империю не совсем забытую конфессиональную проблему – проблему униатов. В 1914 г. русскими войсками была взята часть Галиции и была сделана попытка, под руководством архиепископа Волынского Евлогия, присоединить униатов к православной церкви. По свидетельству военного протопресвитера Г. Шавельского, происходило это не всегда добровольно. 4 февраля 1915 г. был издан указ Св. Синода, в котором говорилось, что в связи «с занятием русскими войсками Галиции начались массовые присоединения русских жителей этой области к православию» и было открыто до 75 православных приходов. Св. Синод предписывал митрополиту Киевскому; архиепископам Харьковскому, Литовскому, Кишиневскому, Херсонскому, Гродненскому; епископам Минскому и Туровскому, Подольскому, Полтавскому, Екатеринославскому, Черниговскому, Холмскому, Полацкому, Могилевскому «предложить священникам <...> имеющим полное семинарское образование, отличающимся добрым пастырским настроением и владеющим живою малороссийской речью, отправиться в Галицию для исполнения пастырских обязанностей». При этом

добавлялось о необходимости, чтобы «препровождали с отметками о благонадежности сих лиц» [7, с. 51].

В своих воспоминаниях архиепископ Волынский Евлогий писал о той неразрешимой, которая царила в Галиции. Так, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич телеграфировал Николаю II о необходимости прекратить мероприятия по воссоединению униатов. По распоряжению обер-прокурора В. Саблера был интернирован униатский митрополит Андрей Шептицкий. В униатские храмы, откуда бежали униатские священники, были поставлены православные священники, прежде всего монахи из Почаевской лавры. После отступления русских войск из Западной Галиции весной 1915 г. австрийское правительство применило карательные меры против той части униатского духовенства, которые либо поддерживали действия русских властей, либо подчинились им [5, с. 349]. Многие, кто не успел выехать, или не хотел оставлять родные места, законсили свою жизнь на виселецах или были расстреляны.

Г. Шавельский писал в своих воспоминаниях, что «все воссоединители бежали. Один из них – священник Каркадиновский, законоучитель Витебского учительского института, во время войны служивший в Галиции с архиепископом Евлогием – рассказывал мне, что воссоединенные часто провожали их проклятиями. Бежало и много воссоединенных. Говорили, что будто бы до 80 тысяч галичан после этого разбрелись по Волыни, Дону и другим местам» [13, с. 182].

В мае 1916 г. в Ставку императора приехал генерал-губернатор Галиции граф Г. Бобринский для разрешения разных вопросов, связанных с гражданским устройством в Галиции, в случае ее нового занятия рисковыми войсками. На другой день, по приезде в Ставку, он зашел к Г. Шавельскому. В 1915 г. они уже обсуждали вопрос о присоединении униатов к православной церкви и Г. Шавельский «еще раз повторил ему, что я и раньше считал применявшуюся в Галиции воссоединительную систему неудачной и опасной, а теперь, после получивших-

ся от нее результатов, считаю повторение ее недопустимым, даже преступным... Но и отказаться от Высочайшего предложения я не имел права... Если же его величество настаивает на том, чтобы я для Галиции заменил архиепископа Евлогия, то я прошу разрешения предварительно представить его величеству докладную записку с изложением моего взгляда на Галицийский церковный вопрос и тех способов и методов, которые я могу применить к делу» [13, с. 182]. Записка была подготовлена и в ней он отметил, что «церковная политика в Галиции должна вестись применительно к обстоятельствам и условиям военного времени, чтобы, не упуская из виду конечной цели, т. е. единения галицийских униатов с нашей Православной Церковью, в то же время не раздражать, а успокаивать население и всячески ограждать доверяющихся нам униатов от возможности, по примеру прошлого г., для них новых репрессий со стороны австрийцев. Чтобы расположить галицийских униатов к Православной Церкви, надо сделать всё возможное для наилучшего удовлетворения их духовных нужд... Когда тот или другой униатский приход согласится принять нашего священника, последний должен крестить, венчать, хоронить, – словом, совершать все духовные требы для этого прихода и отправлять богослужения в приходской церкви, не принимая никакого вознаграждения от прихожан за свои труды, идя навстречу всем их духовным нуждам и в то же время ни слова не говоря о воссоединении, а тем более – не требуя от обращающегося к нему за совершением требы униата предварительного присоединения к Православной Церкви... Цель была бы достигнута незаметно для глаза...» [13, с. 182].

Все проекты предлагали почти одинаковый план присоединения, ставили одинаковые задачи – увеличение численности православного населения путем присоединения униатов западных территорий, тем самым увеличивая численность русского населения, которое поддерживало бы политику Российской империи. Как и Брестский церковный собор 1596 г. – Полоцкий собор 1839, события 1875 г. в Царстве Польском и со-

бытия 1914–1916 г. в Галиции Австро-Венгерской империи были скорее политическим актом, чем конфессиональным, а высшее, как православное, так и униатское духовенство поддержали политику правительства.

Источники и литература

1. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: В 39 т. – Вильна: тип. губерн. прав., 1865 – 1915. – Т. 16 : Документы, относящиеся к истории церковной унии в России (1595–1839 гг.). – 1889. – 704 с.

2. Белоруссия в эпоху феодализма: В 4 т. – Минск: изд. Акад. Наук БССР, 1959 – 1979. – Т.4. – Минск: Наука и техника, 1979. – 375 с.

3. Записка архиепископа Евгения Булгариса о лучшем способе воссоединения униатов с православной церковью // Христианское чтение. – 1887. – № 7–8.

4. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: В 3 т. – СПб.: тип. имп. АН, 1883. – Т.1. – 745 с.

5. История русской церкви: В 9 т. – М., изд-во Спасо-Преобр. Валаам. мон., 1994 – 1997. – Т. 8. – Ч. 2. 1700 – 1917. – 798 с.

6. Коялович, М. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / Коялович М. – Минск Лучи Софии, 1999. – 399 с.

7. Минские епархиальные ведомости. – 1915. – № 5.

8. Морошкин М.Я. Воссоединение унии / М. Я. Морошкин// Вестник Европы. – 1872. – Кн.4, 6.

9. Памятники русской старины в западных губерниях империи. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). – СПб.: тип. ун-та, 1885. – 570 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 с 1649 по 12 декабря 1825 г. : В 45 т. – СПб., тип. Отд. Е. И. В. канц., 1830 – 1849. – Т. 23. – 1830. – 1045 с.

11. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге.

12. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772 – 1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 192 с.

13. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота / Г. Шавельский: В 2-х т – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.

14. Яноўская В., Філатава А. Этнаканфесійная сітуацыя на беларускапольскім памежжы ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / В. Яноўская, А. Філатава // Августовский канал и современный экотуризм. – Пултуск – Минск-Гродно : АН w Pułtusku, 2008. – С. 165 – 180.

**PRAWOSŁAWNE MONASTERY
NA TERENACH ZACHODNICH EPARCHII
IMPERIUM ROSYJSKIEGO
NA PRZEŁOMIE XIX/XX WIEKU**

*Urszula Anna Pawluczuk
(Białystok, Polska)*

Analizę życia monastycznego w ograniczyłam do tych ośrodków, które znajdowały się na terytorium Imperium Rosyjskiego a następnie weszły w skład II Rzeczypospolitej. Liczba monasterów na wymienionym wyżej obszarze poczynając od trzeciego rozbioru Rzeczypospolitej 1795 roku a kończąc na I wojnie światowej, była zmienna. Powstawanie bądź zamykanie ośrodków zakonnych było rezultatem polityki prowadzonej przez kolejnych carów w stosunku do Kościoła prawosławnego.

Przed I wojną światową funkcjonowało na terytorium, które weszło w granice II Rzeczypospolitej pięć diecezji: warszawsko – przedwiślańska, chełmsko – lubelska, wołyńska, litewsko - wileńska, grodzieńsko – brze-